

НАУКОВІ ПАРАДИГМИ В КОНТЕКСТІ ГУМАНІТАРИСТИКИ

УДК 323.272+321.7+323.2

© Лева Мусаелян
Пермский государственный национальный
исследовательский университет (Россия)

КРИЗИС ДЕМОКРАТИИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В конце XX начале XXI веков исследователи многих стран пришли к единодушному выводу о глобальном кризисе современной цивилизации. В статье показывается системный характер этого кризиса, свидетельствующий о том, что человечество находится на переломном этапе своего развития. Одним из важных признаков системного кризиса цивилизации является глобальный кризис демократии. В статье рассматриваются признаки кризиса демократии в мире и в современной России. Анализируются особенности сложившейся с нулевых годов российской политической системы, выявляются ее изъяны, как общие с другими западными странами, так и свои национальные. Ключевые слова: кризис цивилизации, переломная эпоха, глобальный кризис демократии, политическая система, власть, легитимность, реальная демократия.

В научных исследованиях последних двадцати лет, посвящённых проблемам и перспективам развития человечества, трудно найти работу, в которой отрицался бы кризисный характер современной эпохи. Различия между авторами лишь в понимании природы или характера этого кризиса. Одни считают, что кризис является структурным и затрагивает в основном финансово-экономическую сферу общественной жизни. Другие полагают, что человечество столкнулось с системным кризисом современной капиталистической цивилизации. Представляется, что есть немалые основания считать справедливым вторую точку зрения. Об этом свидетельствует возрастающая частота повторяющихся экономических кризисов, их глубина и последствия, которые выходят за рамки экономики и затрагивают политическую, социальную, духовную сферы общественной жизни. На наших глазах радикально изменяются политические, социальные институты, смысложизненные ценности и установки, ставящие под сомнение даже в среднесрочной перспективе нормальное воспроизводство человеческого общества. И это наряду с доставшимся от XX века тяжёлым наследством глобальных угроз: термоядерной (возможно даже несанкционированной) мировой войны, терроризма, экологической катастрофы, голода, острого дефицита пресной воды, энергоресурсов и т.д. Словом, состояние современной цивилизации можно охарактеризовать как переломный этап истории [4].

Существуют разные трактовки переломного этапа современной исторической эпохи: как переход от модернити к постмодернити, индустриального общества к постиндустриальному или информационному, от тоталитаризма к демократии и т.д. Нам представляется, правильным определить переломный этап истории как эпоху, при которой человечество обнаруживает в существующих тенденциях своего развития чёткие признаки того, что у него нет гарантированного будущего, а, следовательно, и гарантированной истории. Впервые осознание этого факта произошло у учёных «Римского клуба» в 70-х годах прошлого века. С тех пор ситуация если и изменялась, то, отнюдь, не в лучшую сторону. Учитывая, что аккумулятивный характер развития свойственен не только обществу в целом, но и угрожающим его

существованию глобальным проблемам, человечество может ускоренными темпами подойти к своему эпилогу. Иной исторический сценарий требует радикального изменения образа жизни современного человека, его смысложизненных ценностей, институтов управления обществом, методов и средств решения внутрисоциальных и международных противоречий. Одним из важных симптомов тяжёлого недуга нашей цивилизации является кризис современной демократии. Ниже попытаемся проанализировать некоторые сущностные признаки кризиса демократии в мире и у нас в стране.

В годы становления марксизма основоположники этого учения открыли фундаментальный закон развития человечества – рост основательности истории [2, с. 90]. Названный закон имеет и политический контекст, который изначально оказался вне внимания исследователей. «...Основа, на которой каждый новый класс устанавливает своё господство, шире той основы, на которую опирался класс господствующий до него...» [12, с. 48]. Отсюда следует, что демократизация общественной жизни является определяющей тенденцией развития человечества. В этой связи тот факт, что в современную эпоху демократия становится наиболее распространённой формой (режимом) правления, не является случайностью. Так, по западным экспертным данным количество стран, в которых проводятся свободные демократические выборы, к концу прошлого века достигло 191 [8, с. 16].

Стандарты демократического общества известны – это верховенство конституции и законов, равенство всех перед законом, исключительность закона, народовластие, основанное на свободном волеизъявлении граждан во время выборов, невозможность властных или иных структур влиять на результаты выборов, справедливость как базовый принцип организации общественной жизни и т.д. Конечно, страны, которая отвечала бы всем требованиям демократии и считалась идеалом демократического общества, в действительности не существует. Во-первых, потому что, насколько нам известно, нет строго фиксированного общепризнанного перечня обязательных признаков демократии. Во-вторых, демократия – это политический инструмент управления и его особенности зависят от множества факторов: конкретных экономических условий, социальной структуры общества, национально-исторических традиций, масштабов страны, внешних угроз и т.д. «...Демократия, – отмечают американские политологи Т. Карл и Ф. Шмиттер, – не сводится к некому единственно возможному набору институтов. Конкретные формы демократии в конкретной стране зависят от социально-экономических условий, от традиционной структуры государства и принятой политической практики» [6]. Рассматривая либеральную и социалистическую (или социал-демократическую) модель демократии, авторы пишут: «Ни одна из этих разновидностей не является более демократичнее, чем другая, – они попросту демократичны по-разному. Но в крайнем своем выражении обе могут подорвать демократию: первая – невозможностью удовлетворения коллективных потребностей и исполнения решений законной власти, вторая – отсутствием индивидуального выбора и контроля над незаконными действиями правительства» [6]. При всей бесспорности этой позиции следует отметить, что затронутые вопросы с начала 70-х годов прошлого века стали не только предметом острых теоретических дискуссий, но и инструментом идеологической борьбы Запада с Востоком. После развала СССР идеологизация и политизация проблемы демократии ничуть не уменьшилась и даже возросла. «Под влиянием США, – пишет Колин Кроуч, – демократия вновь (как в годы холодной войны) всё чаще определяется как либеральная демократия...» [8, с. 18]. Иначе говоря, «исторически обусловленная форма», существующая в США, отождествляется с «нормативным идеалом» и как универсальная социально-политическая модель общества упорно навязывается другим народам, разрушая их исторические традиции и устои. Американизация планеты как современная форма глобализации противоречит фундаментальным принципам демократии не только потому, что минимизирует число самостоятельных политических субъектов в мире, но и исключает свободу выбора народа. Противоречие между официально декларируемыми принципами и реальной политикой, подрывающей эти принципы, является одним из признаков кризиса современной демократии. Мы оставляем в стороне вопрос о том, что государство, в котором отсутствует пропорциональное представительство, референдумы, социально-экономическое равенство и осуществляется тотальная слежка не только над собственными, но и гражданами многих других стран, далеко от демократического идеала. Однако этот очевидный факт не мешает США позиционировать себя в мире (особенно после 1991 года) образцом демократии.

Выше мы отмечали, что закон роста основательности исторического процесса обуславливает демократизацию общественной жизни. Последнее означает, что происходит развитие социальных и юридических институтов общества, обеспечивающих расширение реальных прав и свобод граждан. Поскольку права и свободы есть средства самореализации и саморазвития индивидов, можно сказать, что демократизация общественной жизни ведёт к её гуманизации, превращению человека в высшую ценность. Гуманизация политической системы и общества в целом есть индикатор развития демократии. В то же время гуманизация политической сферы общественной жизни есть верное средство повышения эффективности деятельности власти, ибо она находит понимание и поддержку со стороны граждан. Поэтому Гуманизация есть способ расширения социальной базы и, следовательно, её основательности и легитимности. Иначе, легитимность как правовой феномен имеет свои онтологические основания в существующей социальной реальности и объективных законах её развития.

Глобальный кризис демократии, о котором в последние два десятилетия пишут исследователи [2], проявляется, прежде всего, в вырождении важнейшего института демократии – выборов. Очень часто выборы превращаются в состязание «денежных мешков» за властные полномочия, что фактически означает наличие экономического ценза в реализации политических прав граждан. Технология проведения выборов (особенно претендентов на высшую власть) такова, что нередко побеждает получивший 10-15 % голосов избирателей, что лишает основания говорить о современной демократии как о народовластии. Сужение социальной базы политической власти противоречит общей тенденции развития человечества – демократизации политической системы общества и свидетельствует о кризисе важнейшего феномена современной цивилизации – легитимности власти [9].

О кризисе института выборов пишут уже упомянутые нами Т. Карл и Ф. Шмиттер. «Расхожее определение демократии, – отмечают американские учёные, – сводит её к регулярным выборам, проводимым на честной основе, при строгом подсчёте голосов. Это заблуждение называется “электорализмом” – верой в то, что выборы сами по себе способны направить политическую активность в русло мирового соревнования между элитами и легитимно наделить победителей законодательной властью от имени общества. При этом игнорируется как методика подсчёта голосов, так и другие способы манипуляции или давления со стороны победителей выборов» [6]. Но даже при таком формальном (точнее было бы сказать ограниченном) понимании демократии государства, претендующие на роль всеобщего образца демократического общества, демонстрируют избирательный подход к выполнению выдвигаемых ими стандартов. Если в стране, не входящей в зону влияния Запада, происходит нарушение этих требований (или даже подозрение на нарушение), то неминуемо последует публичная «политическая порка» властей этого государства, могут быть приняты различные санкции против нарушителя. Это и понятно, ведь речь идёт не только об умышленном ограничении политического пространства конкурирующих политических субъектов, а о правах и свободах граждан. В этой связи реакция западных стран на последние парламентские выборы в России была вполне ожидаема. Но вот другой известный факт. Во время президентских выборов 2000 г. в США были допущены подтасовки результатов голосования в штате Флорида, что способствовало победе брата губернатора. Критики по поводу фальсификации выборов не было. «Многие, полагает К. Крауч, – считали, что достижение результата было необходимо для восстановления уверенности на фондовой бирже и что это было важнее установления того, каким было действительное решение большинства» [8, с. 17]. Ещё более серьёзные нарушения избирательного процесса были допущены в России в 1996 г. во время президентских выборов. Западная политическая и экономическая элита нарушения «не заметили» и быстро поздравили «победителя», рейтинг которого среди россиян мог соперничать разве что с чужеземцем, вторгшимся в Россию и разорившим страну. Когда следование декларированным стандартам демократии обуславливается экономической или политической целесообразностью это, как правило, приводит к власти людей с сомнительной легитимностью. Кроме того, игнорирование мнения большинства населения означает нарушение важнейшего принципа демократии – справедливости. Справедливость, согласно Д. Ролзу, это понятие о должном, обусловленное пониманием сущности человека и его неотъемлемых прав, поэтому она не может быть «предметом политического торга и калькуляций социальных интересов» [15, с. 38]. Реакцией на демонстративное пренебрежение волей большинства является снижение явки населения на

выборы. Чтобы придать легитимность нелегитимной по существу власти, упраздняется нижний порог явки на выборы. Это превращает выборы в формальную процедуру, которая внешне напоминает институт демократии, но в действительности не является таковой, ибо не ведёт к установлению подлинного народовластия. Помимо всего прочего это способствует уменьшению количества конкурирующих политических субъектов в борьбе за власть и возрастанию предопределённости выборов.

Кризис демократии это и исчезновение неопределённости результатов выборов до голосования. Предопределённость выборов превращает свободное волеизъявление народа в формальный политический ритуал организованный и управляемый политтехнологами, а самих граждан (электорат) – в статистов проводимого мероприятия. Масштабное вовлечение политтехнологов и полит-консультантов «в избирательный процесс и процесс принятия политических решений ставит демократию перед новым серьезным вопросом и прежде всего вопросом о легитимности» [14, с. 39]. В России в последние 15-20 лет роль подобных специалистов в политической жизни страны резко возросла. Их услуги культивирования в обществе «демократии по найму» законом не регулируются, а властями не афишируются. Находясь в тени властей и определяя решения последних, они не несут никакой ответственности за свою деятельность. «В политике есть неизбежная доля политтехнологий, – признает В.В. Путин, – но имиджмейкеры, “мастера билбордов” не должны управлять политиками» [13]. Пожелания политика понятны, ведь появление посредника между властью и народом отдаляет власть от народа и усиливает недоверие населения к властям, порождая взаимное отчуждение. Государство, отмечает известный немецкий теоретик государства и права К. Шмидт, есть особый «статус политического единства народа» [18, с. 40]. Отчуждение власти от народа подрывает сами устои государства. Власть при этом лишается своей репрезентативной природы. «Идея репрезентации, – пишет К. Шмидт, – основана на том, что народ, существующий в качестве политического единства, обладает высшим и возвышенным, и более интенсивным видом бытия в отличие от существования какой-либо совместно проживающей группы людей» [18, с. 49].

Кризис демократии проявляется также в непрозрачности, закрытости деятельности властей, отсутствии в обществе эффективных политико-правовых инструментов влияния на власть. По признанию гуру американской политики З.Бжезинского, даже для него многие решения нынешней администрации США совершенно непонятны. Что же тогда говорить о простых американцах, которые в своей массе обладают плохими знаниями и мало искушены в мировых проблемах [17, с. 8]. По оценке академика Г. Арбатова, деятельность современных российских властей является самой закрытой со времён И.В. Сталина [1, с. 135]. Демократия, по мнению В.В. Путина, «заключается, как в фундаментальном праве народа выбирать власть, так и возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия решений. А значит, демократия должна иметь механизмы постоянного и прямого действия, эффективные каналы диалога, общественного контроля и “обратной связи”» [13]. С этим трудно не согласиться. Вопрос лишь в том, что мешало автору и его единомышленникам реализовать эти важнейшие требования демократического общества в прошедшие двенадцать лет. Впрочем, в последний год были сделаны первые шаги в этом направлении. Россия присоединилась к реализации международного (США - Бразилия) проекта «Открытого правительства». По инициативе В.В. Путина создан «Общероссийский народный фронт», который призван не только расширить социальную базу политической власти, но и наладить канал связи общества с властью.

Перечисленные признаки кризиса демократии в разной степени дают о себе знать в большинстве современных стран. В России, где демократические институты были механически перенесены с Запада без учета особенностей существующей социальной реальности, эти черты кризиса приобрели более рельефный характер. Здесь помимо общих признаков кризиса есть и свои собственные российские недуги. Оставляя в стороне практику чрезмерного использования административного ресурса во время избирательных кампаний, фальсификации результатов выборов, свидетельствующими о кризисе системы парламентского и партийно-политического представительства, отметим еще одну наиболее значимую для граждан страны проблему – кризис российской системы правосудия (господство «басманного суда»). Если быть объективным, следует признать системный кризис институтов правоприменения и правоохранения, указывающим на отсутствие у власти вопреки требованиям времени

действенных инструментов управления обществом. Кризис системы правоохранения, демонстративно селективный характер правоприменения является раздражающим фактором, усиливающим недоверие населения к российскому государству. Разрыв, отчуждение между народом и властью одна из важных причин низкой эффективности последней. Частота, с которой в современной России падают самолеты, ракеты, тонут корабли, горят предприятия, гибнут люди, напоминает ситуацию сложившуюся в СССР в конце 80-х годов. Как и тогда, все это симптомы системного кризиса управления. К чему это может привести, напоминает опыт Советского Союза. «Периодическое крушение российской государственности (дважды в XX столетии), – отмечает С. Магарил, – свидетельствует о низком качестве стратегического национально-государственного управления и вынуждает задуматься о причинах сокращения жизненного цикла каждой следующей версии государства» [10, с. 213].

Низкая эффективность управления связана с особенностями сложившейся в стране политической системы. Возникновение классических политических партий раньше происходило «снизу». Наиболее активная часть класса, социального слоя общества самоорганизовывалась, принимала политическую программу, публиковала ее и участвовала в борьбе за власть. Партии, так или иначе, выражали интересы определенных слоев населения, и потому были репрезентативны. Это обязывало их выбирать открытую публичную политику в качестве основной формы своей деятельности.

В современном атомизированном обществе, каким уже является и Россия, на смену традиционным политическим организациям пришли наспех сколоченные «сверху» разнообразные постмодернистские партии-предприятия, партии-фантомы, представляющие преимущественно самих себя [3, с. 77-86]. Новый закон о политических партиях резко увеличит количество подобных «политических симулякров. Сфера деятельности партий-симулякров не публичная, а виртуальная политика. Если в прежних партиях основой коммуникации с избирателями и средством конкуренции являлась политическая программа, то в современных – политический лидер. Он становится символом, брендом партии, заменителем ее программы и идеологии. Имидж лидера оказывается средством политической конкуренции и политической стабильности. Словом, происходит персонализация политики. Это в свою очередь приводит к радикальному изменению идеологической борьбы. «Персонализация политики, – отмечает М. Кастельс, – означает, что самой эффективной формой идеологической борьбы становятся нападки на человека. Клевета и сплетни становятся важнейшим искусством в политике, ведь негативные сообщения в пять раз эффективнее позитивного» [7, с. 64]. Отсюда прямая связь между персонализацией политики и ее медиатацией, практикой политических скандалов. Понятно, что к подобной практике особо часто прибегают в период предвыборной борьбы. Показательны в этом плане скандальные телепередачи в начале 2000-х гг. С. Доренко (прозванного в последующем информационным киллером), нацеленные на устранение политических конкурентов преемника первого президента России, или телерепортажи А. Караулова во время последних выборов, когда он систематически втапывал в грязь лидера КПРФ, активное обсуждение в СМИ секс-скандалов экс-главы МВФ Д. Стросс-Кана, лишившего его возможности участвовать в политической борьбе за президентское кресло Франции. Широкое распространение в мире подобных форм политической конкуренции, по мнению М. Кастельса, есть выражение «глубочайшего кризиса политической легитимности» [7, с. 64].

В России персоналистический характер политической власти имеет давние традиции. Менялись исторические эпохи, типы государств, но характер политической власти оставался неизменным. Конституция РФ провозгласила широкие права и свободы (ст. 17–64), ввела разделение властей (ст. 10), провозгласила независимость суда (ст. 120–122), но, наделив главу государства широчайшими полномочиями, фактически воссоздала верховную моноцентрическую власть. Иначе, основной закон новой демократической России институционально закрепил исторические традиции моноцентрической персонифицированной политической власти [16, с. 8]. Продление с 2012 г. президентской инвеституры до шести лет свидетельствует об устойчивости отмеченной традиции.

Полномочия президента России контрастируют с куцыми правами федеральных представительных органов власти, которые фактически не имеют возможности влиять на состав, идеологию, политику правительства. К тому же большинство мест в них уже много лет принадлежит партии власти, что позволяет последней, минуя сложные процедуры обсуждений,

переговоров, согласований с политическими оппонентами, без существенных изменений штамповать законопроекты, подготовленные их единомышленниками в администрации президента и аппарате правительства. В этом контексте мысль экс-спикера Государственной Думы Б. Грызлова о том, что Дума не место для политических дискуссий, не так уж и далека от истины. Это скандальное заявление российского политика лишь подтверждает известный факт – имитационный характер демократических институтов в России.

Персоналистический характер имеет и власть в регионах, где до последнего времени главы субъектов федерации фактически назначались президентом. Излишне говорить, что большинство губернаторов являлись членами «Единой России», точно так же как большинство депутатов – в представительных органах регионов. Членами «Единой России» являются, как правило, руководители государственных вузов, топ-менеджеры крупных промышленных предприятий, федеральные и региональные чиновники и т.д. Подобная политическая вертикаль позволяет власти во время выборов максимально задействовать административный ресурс. Преимущества, полученные от использования административного ресурса и подконтрольных государству СМИ, значительно усиливаются особенностями существующего законодательства о выборах. Все это не только гарантирует победу партии власти на выборах, но и обеспечивает ей абсолютное большинство в представительных органах государства. Монопольное господство «Единой России» в законодательных органах государства позволяет власти быстро и без проблем принимать нужные законы. Без этого вряд ли были возможны столь непопулярные среди населения реформы в сфере ЖКХ, образования, здравоохранения и т.д. Учитывая, что более девяноста процентов законопроектов разрабатывается в администрации президента, можно сказать, что этот чисто технический орган по Конституции превратился в основной законотворческий институт, а Государственная Дума из законотворческого института – в технический инструмент реализации принятых властью решений. Данное обстоятельство, а также особенность функционирования российской системы судопроизводства, о чем говорилось ранее, дают основание для вывода – конституционная норма разделения властей имеет преимущественно декларативный характер.

Существующая в России моноцентрическая политическая вертикаль при внешнем демократическом декоре несет в себе явные признаки феодального общества с иерархической системой вассальных отношений и зависимостей низов от верхов. Есть основание полагать, что это национальная особенность нашей страны. В СССР была та же болезнь, хотя КПСС, на наш взгляд, была партией совершенно иного типа, чем ныне существующие политические организации. Ситуация на административно-территориальной единице (республике, области, районе) зависела не только от интеллектуальных и организаторских способностей местного руководителя, который был здесь фактически князьком, но и от личных отношений с вышестоящим начальством (секретарем обкома, республики, Генеральным секретарем). Уместно здесь порекомендовать молодому читателю ознакомиться с выступлениями Первого секретаря ЦК КП Азербайджана Г. Алиева или Первого секретаря ЦК КП Грузии Э. Шеварднадзе на встрече Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева во время его визита в Баку и соответственно в Тбилиси. Если отношение союзного центра к республике зависит от благосклонности Генерального секретаря, партийно-политический этикет, общепринятые нормы приличия отбрасываются напрочь. Если слух первого лица привыкает к елечу, то зрение его заметно ослабевает и перестает замечать то, что не заметить нельзя. Неспособность политического руководства СССР адекватно воспроизводить окружающую социальную реальность и своевременно принимать меры по реформированию страны были одним из факторов развала Советского Союза.

В современной России институциональные связи изменились по форме, но не по содержанию и сущности. *Персоналистический характер власти создает* сегодня две опасные для будущего России напасти – *непрофессионализм и коррупцию*. «Россия, – отмечает Н. Злобин, – превратилась в страну непрофессионалов» [5]. Это и понятно. Когда личная лояльность, старые связи, политическая близость, замещает профессионализм, ожидать эффективного управления не приходится. Сегодня нет признаков того, что подобная кадровая политика ушла в прошлое. Существующий характер властных отношений определяет разные правила игры для разных представителей властных и институциональных структур. Когда не закон, не единые и понятные для всех правила игры определяют жизнедеятельность людей в

обществе, коррупции не может не быть. Это означает, что значительная часть экономических, политических, социальных и других отношений уходит в тень, приобретая неформальный характер. Необходимо отметить, что сегодня коррупция стала неотъемлемым элементом политической жизни планеты. И это является «важным показателем того, что демократия больна, что политический класс стал циничным, аморальным и ограждённым от народа и общества» [8, с. 25].

Выборы как отмечалось, являются важнейшим институтом демократического общества. Однако созданная система «гарантированной победы» «Единой России» превратила этот институт в формальную процедуру утверждения народом выбора сделанного «наверху» [16, с.8-12].

Формальный характер имеют и многие институты демократии: многопартийность, политическая конкуренция и т.д., что вызывает справедливое недовольство граждан страны. Но не только это является предметом критики.

Особенностью современной политической системы России является также то, что она создала условия для всеобщей безответственности. Ни партии, ни правительство, ни президент страны ответственности перед населением за проводимую политику не несут. Народ фактически лишен каналов влияния на власть, о чём писал В.В. Путин в одной из своих предвыборных статей. В самом деле, политическая карьера депутата независимо от его партийной принадлежности не зависит от мнения избирателей, ибо они голосуют не за конкретного человека, а за партийный список, во главе которого стоят «паровозы» – известные в стране люди – бренды партии. В следующих выборах депутату важно попасть в нужный список, в нужном городе и округе, а это зависит от руководителя партии. Поэтому депутат будет прежде всего прислушиваться к голосу партийного руководства, вождя, а не избирателей.

Но и правительство не зависит от избирателей. Оно не назначается Государственной Думой, это прерогатива президента страны. Поэтому Дума формально ответственности за реализуемую политику не несет. Во время выборов даже представители партии власти активно критикуют правительство. Президент и Правительство при реализации политических решений опираются на «Единую Россию», имеющую абсолютное большинство в Государственной Думе. Но основатель и руководитель «Единой России» не являлся членом этой партии, что позволяло ему – высшему представителю законодательной и исполнительной власти, когда нужно в соответствии с политической ситуацией дистанцироваться от созданной им партии как это было во время последних выборов, когда рейтинг партии власти заметно упал. Подобная политическая система породила отчуждение власти от народа и народа от власти. Эта власть опирается преимущественно «не на общество, а на бюрократию, практически сливаясь с нею, во многом находясь в зависимости от нее...» [16, с. 12].

Моноцентрический, персоналистический характер современной российской власти опирающейся на бюрократию, если образно выразиться, представляет собой пирамиду, стоящую на острие, вершине, а не на основании как должно быть в нормальных демократических странах, где власть опирается на общество или большую часть его. Понятно, что такая политическая конструкция, несмотря на наличие в ней внутренней жесткой вертикали, крайне неустойчива при воздействии на нее внешних политических сил. Представляется, что понимание отмеченных особенностей российской политической системы, активизирует желание глобальных неформальных структур осуществить «белую революцию» в России. В этой связи не случайно то, что критика нынешней российской власти, как из-за рубежа, так и внутри страны направлена против нынешнего президента России, т.е. вершины пирамиды, на которой зиждется вся политическая конструкция так называемого «путинского режима».

Осознает ли власть уязвимость созданной политической системы и угрозу «цветной революции». Реакция властей на массовые протестные выступления 2011–2012 гг. указывают на то, что такое понимание есть. Предвыборные статьи В.В. Путина и первые шаги по реформе «Единой России», предпринятые её новым лидером Д.А. Медведевым, создание широкого политического движения «Народного фронта «За Россию» (до 12 июля 2013 г. «ОНФ»), изменения, внесённые в Закон о выборах в Государственную Думу, свидетельствуют о серьёзности их намерений реформировать политическую систему страны. Без этого невозможно создание конкурентоспособного политического пространства, невозможна реальная демократия, невозможна модернизация страны. Это означает, что в реформах

нуждается не только «Единая Россия», но и все другие партии, являющиеся по существу вождистскими партиями одного человека – В. Жириновского, Г. Зюганова и т.д.

Демократия предполагает торжество справедливости. Для России это требование имеет особо важное значение, ибо в нашей стране демократия имеет социально-экономический смысл, т.е. низкий разрыв между богатыми и бедными. Между тем, экономическая политика властей постсоветской России отвечала интересам узкого слоя населения, способствовала социально-экономическому расслоению общества, порождала кричащую несправедливость.

В своих предвыборных статьях нынешний президент страны представил масштабный план действий в экономике, политической сфере, нацеленных на создание справедливого демократического общества. В случае успешной реализации намеченных программ власть не просто изменит наше общество, она создаст себе широкую социальную базу. Пирамида политической системы приобретет нормальную устойчивую конфигурацию, при которой невозможны никакие «цветные революции». Но в состоянии ли нынешняя власть с её неизменной неолиберальной, радикально рыночной идеологией, эклектичным мировоззрением реформировать и модернизировать Россию, вывести её из опасной полупериферийной зоны – это большой вопрос. История дала России еще один шанс. Сегодня она находится на переломном этапе развития, который продлится максимум 8–10 лет. После, в любом случае, будет другая страна.

Литература

1. Арбатов Г. Нам грозит более опасный период, чем холодная война // Россия в глобальной политике. Т. 6. № 1. Январь-февраль. 2008.
2. Баталов Э. Глобальный кризис демократии? // Свободная мысль XXI. 2005. № 2; Гаман-Галутвина О.К. Партии и власть // Свободная мысль XXI. 2004. № 9; Красин Ю. Метаморфозы демократии в изменяющемся мире // Полис. 2006. № 4; Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. – М., 2011.
3. Гаман-Галутвина О.К. Партии и власть // Свободная мысль XXI. 2004. № 9
4. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития // руководитель автор. кол-ва М.С. Горбачёв. – М., 2003; Маслов О.Ю. Глобализация: этапы глобализации, доллар – глобализация, кризис – глобализация или процесс глобализации глазами мыслящих глобально (заметки по новейшей глобальной истории). URL: www.polit.mnov.ru2009/09/26/glob5cthrnolog26/ (дата обращения: 01.06.2013).
5. Злобин Н. Время цели // Рос. газ. 2012. 3–9 марта.
6. Карл Т., Шмиттер Ф. Что есть демократия? URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/karl_dem.php (дата обращения: 14.07.2013).
7. Кастельс М. Новые индивидуальные масс-медиа // Свободная мысль XXI. 2006. № 5.
8. Крауч К. Постдемократия. – М., 2010.
9. Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. – М., 2011.
10. Магарил С. Что мешает нам усвоить уроки истории // Свободная мысль XXI. 2011. № 7-8.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 2.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 3.
13. Путин В.В. Демократия и качество государства. URL: <http://www.putin-itogi.ru/2012/02/06/statya-v-v-putina-demokratiya-i-kachestvo-gosudarstva/> (дата обращения: 06.02.2012).
14. Пшизова С.Н. По другую сторону прилавка: продавцы // Полис. 2009. № 2.
15. Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995.
16. Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. № 2.
17. Что случилось с Обамой // Рос. газ. 2013. 3 июля.
19. Шмидт К. Государство и политическая форма. – М., 2010.

Summary

*Musayelyan L. Crisis of Democracy as an Expression of the Modern Civilization Crisis. At the end of XX century and at the beginning of XXI researchers in many countries have come to a unanimous conclusion about the global crisis of modern civilization. The article shows the systemic nature of the crisis, testifying that humanity is at a critical stage in its development. One of the important principles of a systemic civilization crisis is a global crisis of democracy. The article considers the attributes of the democracy crisis in the world and in modern Russia. The characteristic features of Russia's political system have been analyzed from beginning of XXI century. It's defects are identified as common with those of the other Western countries. **Keywords:** crisis of civilization, critical era, global crisis of democracy, political system, authority, legitimacy, real democracy.*